

Встреча для вас

ЗА ПОРОГОМ ПЕСНИ

Лет двадцать назад в радиопередаче «С добрым утром!» тбилисская школьница Ирма Сохадзе спела новую песенку «Зачем, зачем». Строго говоря, это была первая работа Владимира Шаненского для детей. Сейчас даже самые детские его песни, вроде «Чунги-Чанги» или «Улыбки», прекрасно знают и папы и бабушки. Но совершенно не детские, а взрослые «Дрозды» или «Не плачь, девчонка» становятся шлягерами для нескольких поколений детсадовцев.

— Много ли, Владимир Яковлевич, вы слышали музыки в детстве?

— Очень много, хотя музыкантов в нашей семье не было. Сам Киев — очень музыкальный город, а в те годы его улицы были буквально наполнены мелодиями. Я успел услышать и слепого бандуриста, много русской, украинской, еврейской музыки. Вообще время такое было — когда появлялась новая песня Дунаевского, казалось, что ее подхватывали буквально все.

Особенно мне нравилась музыка с аккомпанементом, с гармонией — та, которую исполняли духовые оркестры, Мама убеждала: скрипка — самый красивый по звуку инструмент, царица музыки! Я же утверждал, что скрипка пищит, и предпочитал ей гармошку. Тогда я еще не знал, что в музыкальной студии при Киевском Дворце пионеров буду учиться именно в классе скрипки. Там-то и понял, что самый прекрасный инструмент — это действительно скрипка, но только, если на ней играет скрипач. Кстати, после службы в армии я закончил Московскую консерваторию как солист-скрипач.

Теперь, когда меня называют детским композитором, я бываю горд, хотя мои песни поют и Пугачева, и Кобзон, и Лещенко, и ансамбль имени Александрова. Понятно, почему горжусь — детям понравиться трудно. Они, даже самые воспитанные, еще не научились изображать интерес.

— Неужели вам это знакомо?

— У каждого такое случалось, потому что у каждого есть слабые вещи. Не более слабые, а просто слабые. Их больше, если

человека слишком долго и упорно хвалят: можно потерять самоконтроль.

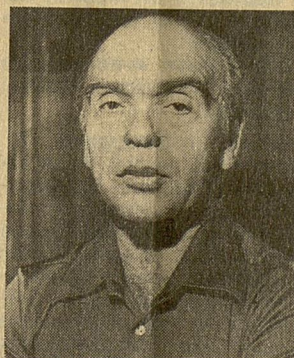
— Дети — самые честные критики. А с каким возрастом вы легче находите общий язык?

— В нашу телевизионную эпоху возрастные рамки сжались, границы переместились. И самые маленькие подражают тому, что производит наибольшее впечатление на взрослых. Наши крохи поют и будут петь не те песенки, которыми их пичкают детские хоровые коллективы, а те, что они слышат в ярком исполнении популярных певцов или модного рок-ансамбля. Стихи, песни, мелодии мгновенно становятся всеобщим достоянием — и бабушек, и внуков.

Как-то я поставил опыт: на концерте в одном НИИ решил проверить, сколько мы с публикой сможем выдержать друг друга. Зал был переполнен, собрались и люди пенсионного возраста, и дошкольники, и двадцатилетние. Какие песни просили, такие я и пел. Концерт шел четыре часа и двадцать минут без антракта. Из зала никто не вышел за это время.

— В этом случае вы, безусловно, встретили больших любителей музыки. А как, по-вашему, умножает ли их число детская музыкальная школа?

— Музыкальное образование еще никому не помешало. Конечно же, как плохая песня на важную тему может посеять равнодушие к самой теме, так и плохое музыкальное образование способно оттолкнуть ребенка от музыки. Думаю, некотрый академизм в начальной музыкальной школе не повредил бы. К песне ребенка при-

общают радио и телевидение. Массовая музыкальная продукция — это часть нашего жизненного фона. А вот открыть мир музыки классической, привить к ней любовь гораздо сложнее, и об этом должны думать лучшие педагогические умы.

— Если не в самом ребенке, то вокруг него музыка звучит? Сегодня почти постоянно. Но нужно ли, полезно ли такое море мелодий и ритмов?

— Если речь идет о внешнем музыкальном фоне, то вопрос надо ставить несколько иначе: не потеснила ли вся эта стандартизированная, консервированная музпродукция нашу песню? Честно говоря, потеснила. Модно же!

Ну так что ж? Мы не можем отменить этот бытовой фон, как не можем отменить многие другие несимпатичные нам явления. Нашим деткам не запретишь увлекаться импортными кассетами. Эта стандартизированная музыка очень подходит для вечернего чая с гостями, когда люди разговаривают.

Это просто фон. Другое дело — и это наша задача — регулировать его, оказывать на него воздействие. Дать альтернативу.

Талант и вкус — вещи разные. Сочинение вполне благопристойное бывает бездарным и наоборот: уступки плохому вкусу замечаешь, а не восхититься не можешь — талант! На мой взгляд, есть в искусстве вещи и поважнее хорошего вкуса, и тот, кто больше всего на свете боится от него отступить, недостаточно талантлив, потому что недостаточно смел. Талант — это еще и смелость. А «хороший вкус» — понятие весьма субъективное, нередко им прикрываются люди ограниченные, не слишком компетентные. Бывает, отсутствием вкуса преканют авторов хорошей, быстро завоевавшей популярность молодежной песни. А почему, спросите. Да потому, что эти авторы еще не маститы и никаких постов в Союзе композиторов не занимают. Тут для начала изумятся: как посмел неизвестный написать такую известную песню?! Зря это — здоровая конкуренция всем полезна, и не надо ее бояться.

— Значит ли это, что критерий ценности песни — ее популярность?

— Сложный вопрос. Сегодня и средняя песня при талантливом исполнении и хорошей подаче, да еще если прозвучит с экрана, может стать популярной. Пришлось ко двору, ко времени. Так что же — нет критериев? Все случайно? Нет, полагаться на случай нельзя — надо анализировать каждый факт популярности. Разумеется, эстрад-

ная песня стареет, она подвластна моде. Но «модное» совсем не обязательно означает «плохое». Мода главным образом отражается на инструментке, ритме, но основная причина успеха не ритмом объясняется. Я уверен — эстрадная песня и сегодня, независимо от моды, требует искренности, не терпит фальши.

Сверхзадача композитора и поэта — а без нее ведь нельзя — это песня, правдиво отражающая мысли и чувства современников. Безусловно, делаящая это на высоком художественном уровне. Если получится, значит, будет помогать людям жить, войдет в их сознание на годы. Это и есть настоящая популярность.

— Можно ли предсказать, «вычислить» судьбу песни?

— Не думаю. Первые же встречи со слушателями много могут дать композитору. Очень ценю этот этап работы, внимательно отношусь к любому замечанию, даже если оно исходит от непрофессионала. Мнение школьника или, допустим, молодой ткачихи в этот момент даже важнее, чем то, что слышу от музыковеда, коллеги-композитора. Мы, профессионалы, нередко теряем непосредственность восприятия. Так же, как повара, которые часто не способны оценить вкус обычных котлет — им подавай особо изысканное блюдо, чтоб они восхитились тем, что простой едок и не заметит. Первое впечатление о песне я хочу услышать от рядового слушателя.

Беседу вел
И. ХАЗАНОВ.